

Плавно несёт свои чистые воды в Оку по Шатковской земле река с ласковым именем Тёша. Заливная речная долина изобилует старицами, угодными для рыбы. Скопища тугорослых щурят (особо сладка из них ушица с золотистой юшкой!) влекут знатных рыбачков. Мужичья, рыбацкая утеха! В пойме Тёши десятки минеральных источников, ключей-родников. Легенды рассказывают, что на некоторых из них являлись чудотворные иконы – утешение православному люду! Любуясь красотами русской равнинной реки, сплавляются по Тёше водные туристы. А в былые времена устье её было сплавным для судов и плотов.

Течёт Тёша среди широких пойменных лугов, и вот подбирается к Шатковскому лесу...

В середине XVI века на Низовской (Приокской) земле от Арзамаса до Казани была проложена оборонительная линия. Конные отряды волжских булгар разоряли русские селения. На лесных засеках деревья валили так, чтобы ветви остро торчали противнику встреч – противоконные «ежи». В Арзамасскую засечную черту входила и Шатковская засека: уклонилась, отшатнулась от основной засечной линии. «Засечная» оборона была успешной, и «открылись» Шатковские засечные ворота. Их охраняла сторожевая служба – воротники. Они не только сторожили, но и охо-

тились, ловили рыбу, занимались земледелием, скотоводством, бортничеством. Так на месте Шатковских засечных ворот возникло селище Шатки. Во время похода на Казань в 1552 году войско Ивана IV, переправившись через Тёшу, сделало привал у Шатков. О них упоминается в Арзамасских Поместных актах 1583 года. С 1600 года селищем в полсотни дворов владели разные помещики. Одни построили церковь во имя Николая Угодника, другие развели заячий сад с косыми. Любопытное упоминание 1619 года о Шатках. Тогда царь Михаил Фёдорович жаловал предку А. С. Пушкина Фёдору Фёдоровичу село Болдино «за Московское осадное сидение в Арзамасском уезде, за Шатковскими вороты...»

Летели годы, десятилетия, шли столетия... Опорная засека земли Нижегородской (Горьковской), рабочий посёлок, райцентр Шатки мирно трудился во благо Отечества, ударно работали завод железобетонных конструкций, маслозавод, комбинат хлебопродуктов.

На благодатной Тёше в Доме отдыха поправляли здоровье труженики со всей страны. Но в 1941-м благословенную тишину шатковского приволья пронзили тревожные крики поездов, мчавшихся с линии фронта... 1942 год. Август. Станция Шатки. Десятки подвод ждут поезд из блокадного Ленинграда. В посёлок часто привозили раненых. Но этот эшелон шатковцы ждали с особым волнением... Ночью 21 июня 1941 года учащиеся ремесленного училища № 6 города Горького вышли в учебный «боевой» поход. В субботу занятий не было, и весь день ушёл на подготовку: подгоняли противогазы, проверяли макеты оружия, укладывали в вещмешки провиант. Шли всю ночь. Перед рассветом «форсировали» болото. На «ура» приступом взяли высоту, обратив «неприятеля» в бегство... Усталые, в 4 утра едва добрались до общежития. Улеглись в постели и растворились в безмятежном сне. Но то утро стало зловещим...

Город помрачнел, менял облик. В парках и на пустырях устанавливались зенитки и прожектора. Кругом желтела взрытая земля – город окапывался, сооружал бомбоубежища. Тревожный Горький ощущал приближение войны, загодя готовился к обороне. Ещё в марте 1940 года в Арзамасе был сформирован 29-й радиобатальон – глаза и уши армии. Вошёл в состав войск ПВО Киевского военного округа, вёл разведку воздушных целей, понёс тяжёлые потери. Положение стратегического Горького становилось всё тревожнее, и 29-й батальон перебросили в город на Волге. Посты воздушной разведки держали связь с командными

пунктами активных средств ПВО – зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Зимой 1941 года они начали фиксировать полёты вражеских самолётов, рвущихся к Горькому.

Лётная учебная часть располагалась в селе Выездное. На здешних лугах находился аэродром, где обучали лётчиков. Многие из них, защищая Горький, погибли. Необстрелянные курсанты на своих «ястребках» отважно бросались в бой с фашистскими асами. Однако избежать бомбёжек Горькому не удалось. 722 вражеских самолёта бомбили город, целясь в стратегические заводы. Взрывались цеха, гибли люди.

Весной в 29-й батальон поступило пополнение: 500 девушек комсомольского призыва из 9 райвоенкоматов области. Пройдя краткосрочное обучение, они заменили ушедших на фронт. К лету 1942 года уже успешно справлялись с порученным заданием: своевременно обнаруживали вражеские самолёты и оповещали о них КП ПВО. Посты были выведены в поле и размещены на господствующих высотах, в землянках, надёжно защищённых от обстрелов.

В феврале 1943 года вражеские самолёты в нижегородском небе стали появляться реже, и 29-й «женский» батальон направили в действующую армию.

Нижегородье не только оборонялось, но воевало на всех фронтах Великой Отечественной. В Горьком 1 июля 1941 года в народное ополчение записалось 60 000 человек. Из города на защиту Москвы отправились 17-й стрелковый полк Нижегородской стрелковой дивизии и 771-й стрелковый 137-й дивизии. В области были сформированы танковые, самоходно-артиллерийские, стрелковые дивизии; истребительно-противотанковые бригады, механизированные корпуса, бригады речных кораблей, полки зенитной артиллерии, 31-й особый Горьковско-Варшавский дивизион бронепоездов, авиационные и инженерные полки, моторизованный понтонно-мостовой батальон, управление 3-й Украинской армии, войска которой взяли штурмом рейхстаг. Нижегородье – земля воинской славы и трудовой доблести. Горький стал мобилизационным центром страны: на своих производственных площадях разместил заводы из Киева, Москвы, Харькова, Брянска, Ленинграда и других городов.

Кузницей Победы стала Горьковская область, перестроив заводы для военных нужд. Область впечатляюще продемонстрировала свою военно-промышленную мощь. Треть всей оборонной продукции, поставляемой фронту, выпускалась в Горьковской об-

ласти: оружие, танки, артиллерийские системы, грузовики, патроны, снаряды, самолёты, подводные лодки, взрывчатку, реактивное топливо и многое другое.

Постановлением № 1 от 1 июля 1941 года Государственный комитет обороны обязал завод «Красное Сормово» полностью перейти на выпуск танков Т-34 и боеприпасов для реактивной и ствольной артиллерии. Вот строки из воспоминаний маршала Победы Г. К. Жукова: «В октябре 1941 года, когда мне была поручена операция по обороне Москвы, мы начали получать с Сормовского завода танки Т-34. Эта помощь пришла вовремя и сыграла большую роль в битве за Москву». Английский конструктор танков писал: «Из всех видов боевой техники, с которыми столкнулись немецкие войска, ни один не вызвал у них такого шока, как танк Т-34». 13 000 этих непревзойдённых боевых машин выпустил прославленный завод «Красное Сормово». Горьковский завод № 92 поставил фронту 100 000 пушек (более 20 разработок), во многом превосходящих зарубежные аналоги.

Волга – державная река. Защитница и воительница. Две бригады речных кораблей приняли участие в боевых действиях под Сталинградом. Они перевезли полмиллиона жителей города, солдат и офицеров, раненых. Снабжали войска автомашинами, орудиями, боеприпасами, продовольствием, обмундированием. В плавучие госпитали были переоборудованы более 100 речных судов. Маршал В.И. Чуйков писал: «Если бы не героические усилия речников Волги и Волжской флотилии, возможно, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и продовольствия».

30 января 1945 года фашистский лайнер (плавучую казарму) «Вильгельм Густлофф» торпедировала подводная лодка С-13 под командованием А. И. Маринеско. В годы войны на заводе «Красное Сормово» было построено 27 субмарин. Трижды Герой Советского Союза И.Н. Кожедуб сбил 62 вражеских самолёта на легендарных истребителях конструкции С.А. Лавочкина (Ла-5 и Ла-7), выпускавшихся на Горьковском авиазаводе. С началом войны трудовые резервы его ускоренно готовились в авиационном техникуме. Вчерашние семиклассники быстро осваивали профессии слесарей, фрезеровщиков, сборщиков, гальваников. Встав в ряды рабочего класса, вместе со взрослыми трудились с полной отдачей. Заводчане неделями не покидали цехов. Спали порой часа по три в сутки на нарах, сколоченных в красном уголке. А нередко – и стоя. Едва добирались до столовой, где их ждал шулюм – суп без мяса, с крапивой и зелёными помидорами. Самый вкусный на

свете! К авиастроителям попросились детдомовцы из блокадного Ленинграда. Для них «воздвигли» подмости, чтобы они могли дотянуться до конвейера. Сквозь слёзы эту юную бригаду назвали «Весёлые ребята». Комсомольцы учили их свинчивать детали. Как сияли ребячьи лица, когда лётчики поднимали «их» самолёты в воздух и летели на фронт.

Чудеса трудового героизма проявляли стахановцы-тысячники. Внедряя свои изобретения, за смену вырабатывали норму – до 1000 и более процентов! К 1944 году выпуск самолётов возрос до 22–26-ти в сутки. Одна боевая машина в час! Более 19 200 истребителей поставил фронту Горьковский авиационный завод № 21, главным конструктором которого был Семён Алексеевич Лавочкин Герой Социалистического Труда.

По льду Ладожского озера (легендарной «Дороге жизни») горьковские полуторки ГАЗ-АА эвакуировали более полумиллиона человек, перевезли 300 000 тонн грузов. Так родина Минина и Пожарского ковала Победу. Земля Нижегородская – земля милосердия – в годину испытаний стала приютом для сотен тысяч обездоленных и осиротевших.

Уже к 28 июня Горьковская область приняла 126 000 беженцев, в том числе 70 000 детей, из них 3500 без родителей. Из Белоруссии, Литвы, Латвии, Карело-Финской республики, Москвы, Мурманска и других городов эвакуировали 13 детских садов, 9 пионерских лагерей и санаториев, 10 детских домов. В 50 районах области открыли 120 детских интернатов. Более 500 детей сотрудников Коминтерна, политэмигрантов – немецких, венгерских, румынских, французских, английских и испанских антифашистов – поместили в международном интернате.

Из оккупированной Смоленщины летом 1942 года привезли 3225 детей. По заданию партизанского соединения «Батя» их вывели по лесам и болотам на Большую землю. Операцией «Дети» руководила 23-хлетняя разведчица Вольская («Месяц»). Спасённых малышей разместили в детском доме села Монаково. Подростков направили в школы ФЗО Горького и Дзержинска. За спасение детей М.И. Вольская была награждена орденом Красного Знамени. После войны Матрёна Исаевна работала учителем в школе села Смольки Городецкого района.

Из блокадного Ленинграда в Горьковскую область в июле-августе 1942 года вывезли 5282 детей. На станции Шатки остановился поезд с детьми-блокадниками. Но из вагонов никто не вышел. Детей выносили на руках. Истощённые, обессиленные –

кости, кожа, недетская тоска в глазах. Долина тихой Тёши огласилась плачем.

– Они же живые ещё! – успокаивали встречающих женщин сотрудники НКВД, сопровождавшие поезд. Люди несли к вагонам обувь и одежду, съестное: кто картошину, кто луковицу, пару яиц, соленья.

Ленинградский детский дом № 148 – 125 детей от 4-х до 17-ти лет – разместили в одном из зданий средней школы села Красный Бор. Они прошли двухнедельный карантин. Пять из них оказались инфекционными больными: один малыш страдал от стоматита, у троих обнаружилась чесотка.

Самыми тяжёлыми заболеваниями страдала двенадцатилетняя Таня Савичева (23.01.1930 – 01.07.1944). Ещё в раннем возрасте она переболела костным туберкулёзом. Холод блокадного Ленинграда выстудил хрупкие, недужные косточки девочки. Голод подорвал здоровье: прогрессирующая дистрофия, цинга, туберкулёз кишечника. И нервное истощение. Сколько невыносимых страданий выпало на её долю!.. Ей было шесть лет, когда в 1936 году после тяжких испытаний в ссылке умер её отец Николай Родионович. Однако семья Савичевых в любви и в заботе друг о друге дожидая до чёрной блокадной зимы. Бабушка заболела. Мария Игнатьевна шила солдатскую форму. Остальные трудились на заводах, сдавали кровь для спасения раненых. Таня собирала бутылки для зажигательных смесей.

Гитлеровская сатанва хотела ввергнуть ленинградцев в ад. И потирала свои когтистые лапы в предвкушении поживы: вот-вот рухнет этот наглухо осаждённый город!.. Да, адские муки терпели блокадники! Те, кто ещё держался за жизнь, заворачивали тела умерших своих родственников в простыни, одеяла и даже в газеты. Похоронные команды не успевали забирать обнаруженные в моргах-квартирах трупы. Смертное время. В день умирало около 10 000 человек. И весь этот ужас видела одиннадцатилетняя девочка. И ещё страшнее обрушился он на неё 28-го, жестокого, декабря. Она взяла записную книжку сестры Нины, где та чертила конструкторские задумки, и на чистой странице неровно, с надрывом карандашом написала:

28 декабря 1941 года. Женя умерла в 12 часов утра.

Эта первая смерть родного человека, любимой сестры, стала для Тани страшной трагедией. И не только для неё. Для всей семьи. Для её истории... Потому запечатлела это великое горе. Как и другие восемь, потрясшие сердце, потрясшие весь её мир.

Бабушка умерла 25 января 1942-го, в 3 часа дня.

Лёка умер 17 марта в 5 часов утра.

Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа ночи.

Дядя Лёша 10 мая в 4 часа дня.

Мама – 13 мая в 7.30 утра 1942 года.

Савичевы умерли.

Умерли все.

Осталась одна Таня.

Родные отдали ей всё своё тепло, последние хлебные крошки, и она пережила их. Сохранила поминовение родных в своём дневнике. Краткость строк. Убывающие силы. Безмолвная почти боль страдавшего сердца.

Одна... Брат Михаил в партизанском отряде. Нина с заводом в эвакуации. Но Таня о них ничего не знала. Осиротевшая, одинокая, взяла шкатулку с венчальными свечами родителей, положила в неё свой скорбный дневник. Истощённая, с трудом добралась до дальней родственницы. Та отдала девочку в детский дом.

В условиях военного времени Горьковская область столкнулась с немалыми трудностями в обустройстве эвакуированных детских домов. Детей подчас размещали в непригодных помещениях, где не было даже мебели. Они плохо отапливались. Не хватало бань, прачечных, постельного белья. Случались перебои с водой, с электричеством. Не хватало керосиновых ламп, детям приходилось сидеть в темноте. Зачастую у ребят было одно пальто или пара обуви на двоих. Всем миром собирали одежду и обувь, деньги на их покупку.

Скудным было питание. Помогали колхозы, подвозили молоко овощи, мясо, сахар, крупы, муку, масло, яйца. Некоторые детдома и интернаты смогли содержать подсобные хозяйства: лошадей, коров, овец, свиней, кур. Обзавелись приусадебными участками, выращивали ягоды, овощи, фрукты.

В селе Красный Бор, где разместили детдомовцев из блокадного Ленинграда, было много беженцев. Сельчане помогали

им обжиться, делились с ними едой, одеждой. Всеми силами и средствами помогали Красной Армии. Вместе со всеми жителями Нижегородья собирали деньги на создание эскадрильи «Валерий Чкалов», на постройку танков, записывались добровольцами на фронт. Никто не роптал, когда забирали лошадей, увеличивали натуральные налоги. Питались скудно: овощи с огорода, дикоросы. Пятилетние ребятишки знали все травы, гожие в пищу, которые росли на полях и лугах: борщевик, заячья капуста, щавель, луговой лук... Щи с крапивой, салат из одуванчиков. Рыба и раки в Тёше, грибы, ягоды – подспорье в еде. Зимой пацанята ходили с санками в лес за хворостом, чтобы топить печки. Мужская обязанность! Летом вместе с детдомовцами собирали в поле колоски, сдавали в колхоз. Хлебом помогали фронту. Местные и детдомовские девочки шили и чинили шинели для солдат.

Дети в детдоме в Красном Бору пошли на поправку. Но Таню Савичеву поместили в изолятор. По-матерински заботилась о ней фельдшер Н.М. Серёдкина. Приветливая, начитанная девочка рассказывала ей о Ленинграде. Мечтала, когда поправится, забрать с собой Нину Михайловну в родной город. Детдомовцы подружились с местными ребятами, ходили с ними в походы, купались в Тёше. О жизни в Красном Бору делились с Таней в своих письмах к ней, приносили ей луговые цветы с берегов Тёши. И окунала она лицо в росный, благоуханный букет купавок, словно в ласковые воды Тёши, словно в нежные руки мамы...

Здоровье девочки ухудшалось. Её обследовали врачи в Арзамасе, но помочь не могли. 7 марта 1944 года Таню отправили в Понетаевский дом для детей-инвалидов, а 23 мая перевели в инфекционное отделение Шатковской больницы. Детдомовские друзья писали Тане письма, полные любви, сострадания и надежды на её выздоровление. Девочку мучили головные боли, она слепла. Сердечные письма, которые читала ей санитарка Анна Михайловна, приносили некоторое облегчение. Хорошая женщина неотлучно находилась с Танечкой, утешала её, а сама плакала, глядя на худенькое личико с широко открытыми, невидящими глазами, видя, как неумолимая болезнь вырывает девочку из её рук.

Таня умерла 1 июля 1944 года.

Исстрадавшийся ангел по имени Таня. Вобрала всю боль и страдания всех жертв адской войны. И обрела упокоение на Шатковской земле, омываемой водами реки утешения – Тёши.

Тёша... Река вечности. На её берегах ещё во II веке до нашей эры селились люди эпохи мезолита. Виделись ли ей, древней и

мудрой, сны о том, что станет она утешением для девочки, испытавшей ужасы самой чудовищной войны во II тысячелетии нашей эры?..

После снятия блокады Ленинграда вернулись в родной город оставшиеся в живых Савичевы – Михаил и Нина. Он партизанил в Псковских лесах, был ранен. Её в чрезвычайной спешке эвакуировали с заводом, она и проститься не успела с родными, с Таней. Родственница сообщила ей, что Таню с детдомом эвакуировали, и передала Нине блокнот. Промысл Божий! Танины трагические записи в нём увидел знакомый Нины – сотрудник Эрмитажа. Он передал дневник Тани Савичевой на выставку «Героическая оборона Ленинграда», которая открылась в 1946 году.

На Нюрнбергском процессе главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко предъявил трибуналу девять тоненьких листочков:

– Это записки русской девочки из блокадного Ленинграда. Я прошу занести в протокол суда как доказательство варварской истребительской политики германского руководства по отношению к мирному населению нашей страны.

И Роман Андреевич зачитал трагические строки. Они стали известны всему миру как «Дневник Тани Савичевой».

Михаил и Нина вели поиски сестры. Писали в детские дома, эвакуированные из Ленинграда. Выяснили, что Таню из Красного Бора отправили в Понетаевский дом инвалидов. Директор этого дома ответил, что девочка тяжёлая, но её жизни ничего не угрожает. А Тани Савичевой уже не было в живых. Неверные сведения были указаны в её личном деле. Поиски осложнились. Следы Тани затерялись. Долгие годы ленинградцы были уверены, что Таня Савичева похоронена на Пискаревском кладбище.

В 1970 году учительница Понетаевской школы Ольга Петровна Вереина с учениками опросили бывших воспитателей, нянечек дома инвалидов. В архиве отыскали книгу учёта больных детей. Из неё узнали, что отсюда Таня Савичева 23 мая отправлена в Шатковскую больницу. Медицинские работники приняли сердечное участие в поиске. В старом регистрационном журнале нашли запись: «23. 05. 1944 года № истории болезни 226 Савичева Т.Н. 14 лет. Понетаевка – туберкулёз кишок, умерла 01.07.1944 года. Пролежала сорок койкодней».

В 1971 году поисковики нашли Анну Михайловну Журкину, на руках которой умерла Таня. Она указала её могилу. На могиле были возведены надгробие и стела с барельефным портретом Тани и страницами её дневника.

Ныне «Дневник Тани Савичевой» выставлен в Музее истории Ленинграда. Его копии – в экспозициях Мемориала Пискаревского кладбища и на Поклонной горе в Москве. Так увековечен этот памятник жертвам войны, написанный кровью сердца маленькой девочки. Как и дневник её нидерландской ровесницы Анны Франк (12.07.1929 – 02.1945). Под названием «Убежище» он был неоднократно издан. Последняя запись в нём 1 августа 1944 года. Через три дня гестапо схватило всех, кто прятался в убежище. Анна умерла в концлагере от сыпного тифа. Дневник её, жертвы Холокоста, – впечатляющий документ о зверствах фашизма.

Ровесница Тани и Анны нижегородка Софья Павловна Зорева в годы войны тоже вела дневник. Крохотная хлебная пайка не спасала от голода. Соня постоянно хотела есть. И в дневнике своём однажды написала: «Хорошо бабушке и дедушке. Они умерли, и теперь им не надо искать еду». Ещё один крик детской души, боль, причинённая войной.

Встречаясь с молодёжью, нижегородка, блокадница, Наталья Юрьевна Курепина всегда приносит с собой кусочек спасительного хлеба. Блокадный хлеб – пайка, 125 граммов в день. В эту четвертинку добавляли мороженую картошку, хвою, отруби и даже опилки.

Дети войны... Известный нижегородский скульптор, заслуженный

художник России Татьяна Георгиевна Холуёва тоже пережила тяготы войны. Военный завод, где работали родители пятилетней Танечки, эвакуировали. Состав бомбили фашистские стервятники. Выжили. Секретный завод, огороженный проволокой. Здесь Таня и пережила войну. Дети жили в интернате на территории завода. Родителей почти не видели. Голод, холод, больные, несчастные... Летом повезли детей на интернатовскую дачу. Увидели голодненькие клевер-кашку – и с жадностью стали её жевать. На коленочках, точно козлятки... С особым волнением в 2010 году приняла участие Татьяна Георгиевна в создании в Шатках мемориала «Тане Савичевой и детям войны посвящается».

В день рождения Тани, 23 января каждого года в рабочем посёлке Шатки вспоминают о ленинградских детях, которых здесь на берегу Тёши встречали потрясённые жители. В этот день сего года у мемориала состоялось открытие Года памяти и славы. На нём присутствовали члены Нижегородской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда». Ныне в Нижегородье проживает 323 блокадника. В 1945 году в Ленинград вернулись 1018 воспитанников детских домов, у которых в городе были родственники. Остальные жили и воспитывались в Нижегородье.

После войны детский дом в Красном Бору расформировали. Детей приняли семьи Шатковской земли. Подросшие красноборские школьники не забыли своих друзей. Вместе с завучем Виктором Васильевичем Алиевым нашли многие документы, восстановили события той поры, отыскивали очевидцев. Все эти изыскания дали начало Детскому музею имени Тани Савичевой в Шатках, который открылся 27 января 2011 года. Особые душевные переживания испытывают посетители у экспозиции «Таня навсегда».

Про Таню Савичеву написаны книги и песни. Её именем названы улицы многих городов и селений. Одна из малых планет Солнечной системы носит имя Таня. Девять тоненьких Таниных листочков явил промысл Божий потрясённому миру, тем, кто различает добро и зло, свет и тьму. Борение этих начал, торжество жизни над смертью с выразительной силой звучит в Реквиеме Джузеппе Верди. 27 января сего года, в День снятия блокады Ленинграда, в Нижегородском театре оперы и балета имени А. С. Пушкина было исполнено это монументальное произведение. Написанный в 1874 году «Реквием» словно отразил боль и страдания маленькой русской девочки Тани Савичевой, испытавшей все ужасы блокады.